

О КУЛЬТУРНЫХ КОДАХ В «СТИХАХ ПОХВАЛЬНЫХ» В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО

Представлен опыт сравнения «Стихов похвальных» В.К. Тредиаковского, посвященных России и Франции (Парижу). Основное внимание уделено анализу различных культурно-поэтических кодов, использованных Тредиаковским при написании похвал родной земле и французской столице: панегирического – для «стихов России» и любовно-идиллического – для «стихов Парижу».

панегирик, культурный код, Тредиаковский В.К., национальная самоидентификация.

Стихотворные похвалы России и Парижу, написанные В.К.Тредиаковским в 1728 году во время его пребывания во французской столице, впервые опубликованы в приложении («Стихи на разные случаи») к переводу романа П. Тальмана «Езда в остров Любви» (1730). Эта лирическая диалогия была популярна и в XVIII веке¹⁹⁹ и притягивает внимание современных исследователей²⁰⁰.

Очевидное сродство и диалогичность этих стихотворений (время написания, названия, ритмика, авторская интенция, отсутствие официального повода для их создания) породило целую традицию сравнительного их изучения. Исследователи единодушно именовали «Стихи похвальные России» первым образцом патриотической лирики, а «Стихи похвальные Парижу» – поэтической восторженностью русского студента, очутившегося в европейском центре наук и искусств. Правда, исследовательские предпочтения в основном отдавались «похвалам России», якобы более совершенным в художественном отношении. Хвалебная песнь французской стороне оказалась менее популярна среди исследователей, заслужив нелестное мнение современного ученого: «Стихи похвальные Парижу» «не идут ни в какое сравнение с этой песней («Стихами похвальными России». – Т.А.)»²⁰¹. На наш взгляд, парность поэтических похвал Тредиаковского дает возможность для множества интерпретаций. Предложим

---

¹⁹⁹ Позднеев А.В. Произведения В. Тредиаковского в рукописных песенниках // Проблемы истории литературы. М., 1964. С. 91.

²⁰⁰ Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. М., 1955. С. 122 ; Орлов П.А. История русской литературы XVIII века : учеб. для ун-тов. М., 1991 ; Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М., 2003. С. 97–98 ; Алексеева Н.Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 80–85 ; Гречаная Е.П. Первый поэтический сборник Тредиаковского и французская галантная поэзия конца XVII – начала XVIII в. URL : http://209.85.135.132/search?q=cache:HfF0bLqMt3QJ:ifi.rsuh.ru/vestnik_2005_1_10 ; Минералов Ю.И. История русской литературы XVIII века. М., 2007. С. 57–58.

²⁰¹ Минералов Ю.И. История русской литературы XVIII века. С. 57.

одну из возможных: сравнение различных культурно-поэтических кодов в стихах о России и о Париже.

«Стихи похвальные России» – попытка Третьяковского выразить свою тоску по России и свою сыновнюю привязанность к родной земле:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее доброты
Мыслить умом есть много охоты.

Россия *мату!* Свет мой безмерный!
Позволь то, *чадо* прошу твой верный...²⁰²

Эти строки, до сих пор покоряющие своей проницательностью, можно назвать одним из первых опытов исповедальности в русской поэзии. Однако неразработанность средств для выражения интимных переживаний приводит к подмене исповедальной модальности панегирической, тоскования по Родине – ее восхвалением.

Ностальгическая интонация начальных шести строк (появится она и в финальной строфе) сбивается энергичными строфами в середине произведения и переходит в традиционные для кантов этой эпохи восклицания-виваты²⁰³ в предпоследней строфе: «Виват Россия! виват драгая!»

Следуя панегирической традиции, Третьяковский должен был бы поместить похвалу монарху, но поэт отступает от этого правила: в стихотворении нет упоминания ни об одном из российских правителей. Однако для создания персонификации России-матери он использует отработанные в школьной поэзии и драматургии средства – атрибуты монаршей власти (трон, скипетр, порфира, митры, венец):

Ах, как сидишь ты на троне красно!
<...>
Красят иных золотые скипетры,
И драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украсила,
И лицом светлым венец почтила (с. 160).

Мотив красоты, звучащий в повторах слов с этой семантикой («красно», «красят», «украсила»), а также в эпитетах «золотые» и «драгоценна», вводит оппозицию «свой»/«чужие». Третьяковский определяет своеобычность красоты России, отличной от красоты «иных». На наш взгляд, это одна из первых попыток национального самоопределения в русской поэзии, причем успешная. В

---

²⁰² Третьяковский В.К. Езда в остров Любви. СПб., 1730. С. 160. (Далее в тексте статьи отсылки на стихотворение В.К. Третьяковского даются по этому изданию с указанием в круглых скобках номера страницы; курсив в стихах наш).

²⁰³ Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. М., 1952. Т. 1. С. 75.

следующих пяти строфах (4–8) Третьяковский формулирует главные достоинства России, которые и являются ее украшением.

В первую очередь Россия дорога Третьяковскому чистотой веры православной:

В тебе вся вера благочестивым,
К тебе примесу нет нечестивым,
К тебе не будет веры двойня,
К тебе не смеют приступить злые.

Твои все люди суть православны... (с. 160).

Третьяковский был в курсе вопросов идеологической борьбы между православной и католической церковью в те годы²⁰⁴. Истинное православие связывается поэтом с идеей богоизбранности России:

О благородстве твоём высоком
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство (с. 160).

Как видим, текст освящен именем христианского Бога, мотив света («свет мой безмерный», «лицем светлым») наполняется религиозным содержанием. Чистоту веры и религиозность россиян Третьяковский называет *благородством* России.

В следующих строфах (6–8) в ряд характерных черт России и россиян попадают богатство и сила («Чем ты, Россия, не изобильна? / Где ты, Россия, не была сильна?»), а также мужество и слава русских: «И храбростью повсюду славны». Россия – «славе причина», поэтому и не может печалиться Третьяковский, а может «прославить всё то, что в тебе (в России) мило!»

Величание России – России православной, богатой и сильной – состоялось. Заметим, что из четырех «виватов» только два относятся непосредственно к России («Виват Россия! виват драгая!»), другие славят надежду, связанную, вероятнее всего, с ее будущим: «Виват надежда! виват благая» (прообраз тютчевской формулы «В Россию можно только верить»). Звуки печальной флейты, кольцующие стихотворение («Скончу на флейте стихи печальны»), с одной стороны, композиционно его завершают, с другой – диссонируют с предшествующими «виватами». Панегирический дискурс оказывается единственно возможным для выражения и описания чувств к Родине – не важно, вблизи ли, вдали ли от нее находится поэт.

Несмотря на схожие названия и художественные задачи произведений, внутри «Стихов похвальных» России и Парижу формируются различные дискурсивные практики, обусловленные доминантами в культурах двух стран и

---

²⁰⁴
473–474.

Строчкова Я.М. Примечания // Третьяковский В.К. Избр. произв. М.; Л., 1963. С.

складывающимися стереотипами их восприятия. Доказательством данного положения может служить авторский порядок расположения «Стихов на разные случаи», который подчинен не хронологическому, а тематически-иерархическому принципу.

В начало «Стихов на разные случаи» (назовем его первой частью) включены произведения государственного характера: «Песнь. Сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации ее величества государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийския бывшему тамо августа 10-го (по новому стилю) 1730», «Элегия о смерти Петра Великого» и «Стихи похвальные России». К этой же части следует отнести и два стихотворения на брак князя А.Б. Куракина и княгини Анны Ивановны.

«Стихи похвальные Парижу» помещены автором после таких стихотворений, как «Объявления любви французской работы», «Ответ на оное моего труда», «Прошение любви», «Песенка любовна» – во вторую часть, включающую в себя галантную рокайльную поэзию.

Таким образом, художественно-смысловым ключом к «Стихам похвальным России» является их прочтение как патриотического панегирика. «Стихи похвальные Парижу», созданные посредством другого культурного кода, необходимо рассматривать в контексте галантной лирики поэта и французской поэзии.

Образ французской столицы строится на мотиве любви, и в этом – главная его особенность. В Париже Третьяковский познакомился с культурой французского салона, пропитанной этим чувством. В поле его внимания попадают многочисленные сборники галантной поэзии, иллюстрирующие «знаменитое словцо Сент-Эврмонна: «Любить во Франции – это в сущности не более чем говорить о любви» («*Aimer en France n'est proprement que parler d'amour*») ²⁰⁵. Осуществленный Третьяковским перевод романа П. Тальмана «Езда в остров Любви» делает его первым русским писателем – знатоком перипетий любви. Для выражения оттенков этого чувства поэт создает целый ряд любовных неологизмов: «любление», «любовность», «глазлюбность», «с сердцем вселюбовным», «любовничья досада» (с. 13, 96, 104, 9, 120).

В прозаическом переводе, а главное в поэтических вставках романа «Езда в остров Любви», Третьяковский овладел основными приемами и формулами описания топоса любви. Приведем примеры ключевых образов и мотивов, его составляющих: неувядающие ароматные *цветы* («Все тамо дома украшены цветы» (с. 17), «Премногия красят цветы / Чрез себя прекрасный брег твой, / И хотя чрез многи леты, / Но всегда не увядают, <...> Благовонность испускают...»

---

205 Гречаная Е.П. Первый поэтический сборник Третьяковского и французская галантная поэзия конца XVII – начала XVIII в.

(с. 6)); тихий *зефир* («А пресладкий зефир тихо, <...> Чинит шум приятной весьма / Во играни с волнами» (с. 5–6)); *сладость* («без любви нету никакой сладости» (с. 9), «чувствую сладость», «надежду сладку», «пресладкие речи» (с. 41), «разговоров сладость» (с. 53)); *радость*, *веселье* («Всё там смеется, всё в радости зрится» (с. 17), «О коль мне тамо сладко веселия было» (с. 46)); *песни*, *музыка* («Танцы и песни, пиры и музыка» (с. 17), «Сладкие музы поют гласом шумным» (с. 18)). Остров Любви – это не просто «рай» (приятное место, где не известны тяжкие заботы о хлебе насущном), но «рай для влюбленных» – с музыкой, весельем и радостями любви. Именно «остров Любви» становится для Третьяковского прообразом Парижа – города любви. «Стихи похвальные Парижу» написаны Третьяковским не только под впечатлением атмосферы искусства и любви французской столицы, но и в духе галантной литературы.

Стихи о Париже по сравнению со стихами о России более цельны по своей тональности. На протяжении всех шести строф Третьяковский восхищается французской столицей: «Красное место! Драгой берег Сенски!» (с. 181–182). Эти трижды повторенные восклицания (начальные строки 1, 4, 6 строф) пронизывают стихотворение единой эмоцией. Обратим внимание на то, что определения «красно» (то есть красивое) и «драгой» Третьяковский прилагал в своих похвалах и к России. Однако Париж и красив по-иному, и дорог Третьяковскому иными достоинствами, и потому одни и те же слова наполняются иными смыслами.

Центральным мотивом «парижских» стихов является мотив радости и веселья («Всех *радостей* дом и *сладка* покоя», «Лавр напояют твои *сладко* воды!» (с. 181–182)). Если в «стихах России» «солнцем» Третьяковский именует Россию («небо российску ты солнце ясно»), то в «стихах Парижу» слово *солнце* употреблено в прямом значении: это небесное светило, но и оно включено в атмосферу радости – оно по небу «катает *смеясь*» и «лучше нигде не блистает».

В Париже так же, как и на острове Любви, «Зефир приятный одевает цветы / Красны и вонны чрез многие леты» (с. 181). Даже библейский (и античный) идиллический топос – земли с «млеком и медом» (Исх. III, 7, 17; Нав. V, 6) – дополняется семантикой радости в «парижском варианте» рая: «Точишь млеко, мед и *веселье* мило, / Какого нигде истинно не было» (с. 182).

При описании достоинств французской столицы Третьяковский прибегает к тому же слову, что и при описании России, – *благородство*:

Красное место! Драгой берег Сенски!
Где быть не смеет манер деревенски:
Ибо всё держишь в себе благородно,
Богам, богиням ты место природно (с. 182).

Однако если в характеристике России *благородство* отождествляется с чистотой веры, то *благородство* Парижа заключается в изящных манерах и галантном поведении его обитателей.

Если Россия избрана христианским Богом, то французская сторона «освящена» именем языческого бога – бога искусств Аполлона. Предводитель муз со своей свитой «любо играет <...> в лиры и в гусли, также в флейдузы».

Флейта, сопровождающая печаль Тредиаковского в «Стихах похвальных России», в стихах Парижу принадлежит Аполлону и музам. Флейты, в угоду рифме превращенные поэтом во «флейдузы», в контексте любовного идиллического топоса связаны с радостью, весельем и искусством. Более восьми десятков лет спустя эта форма слова станет предметом пародирования в дружеской переписке К.Н. Батюшкова и Н.И. Гнедича (1809 г.): «Играйте, о невки музы, / Играйте во свирели, флейдузы»²⁰⁶. Несмотря на то, что пародия подчеркивает неудачность словообразования Тредиаковского, Батюшков почувствовал гривуазную природу стихов Парижу и включил это слово в игривую атмосферу своего послания.

Париж и отношение к нему пропитаны чувством любви: «Кто ты не *любит?*» (Заметим, что слов с семей «любовь» в стихах о России нет вовсе.) Тредиаковский первым начинает создавать культурный стереотип «Париж – город любви, город изящных манер», чреватый галломанией второй половины XVIII века. Гипербола поэта – о желании всего рода человеческого жить в Париже («В тебе желают всегда быть все роды» (с. 182)) – окажется реальностью для российского дворянства.

Итак, при прочтении «Стихов похвальных» нужно пользоваться разными культурными кодами. «Стихи похвальные» России и Парижу представляют собой попытку поэта одновременно выразить тоску по родине и восторг от европейской столицы. Достоинства у этих «мест» различные: религиозность, богатство и сила России и веселье, искусства и любвеобильность Парижа. Отсутствие поэтических практик для выражения интимных переживаний – будь то печаль по родине или восторг от Парижа – заставляют Тредиаковского подбирать подходящие к случаю и уже разработанные поэтические формы, «подгоняя» их под новое содержание. Тредиаковский выбирает панегирический дискурс для «стихов России» и любовно-идиллический – для «стихов Парижу». Очевидное литературное родство стихотворных похвал, спровоцированное схожими названиями, на поверку оказывается мнимым.

Тредиаковский не включил «Стихи похвальные Парижу» в свое Собрание сочинений 1752 года, повторив, по сути, судьбу Тирсиса, героя «Езды в остров Любви», который в конце романа отказывается от любви и по совету Разума устремляется к Славе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Алексеева, Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках [Текст] / Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – СПб. : Наука, 2005.
2. Батюшков, К.Н. Сочинения [Текст] : в 2 т. – Т. 2 : Из записных книжек. Письма. – М. : Художественная литература, 1989.
3. Благой, Д.Д. История русской литературы XVIII века [Текст]. – М., 1955.

---

²⁰⁶

Батюшков К.Н. Соч. : в 2 т. Т. 2 : Из записных книжек. Письма. М., 1989. С. 99.

4. Гречаная, Е.П. Первый поэтический сборник Тредиаковского и французская галантная поэзия конца XVII – начала XVIII в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://209.85.135.132/search?q=cache:HfF0bLqMt3QJ:ifi.rsu.ru/vestnik_2005_1_10
5. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века [Текст]. – М. : Высшая школа, 2003.
6. Ливанова, Т.Н. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом [Текст]. – М., 1952. – Т. 1.
7. Минералов, Ю.И. История русской литературы XVIII века [Текст]. – М. : Высшая школа, 2007.
8. Орлов, П.А. История русской литературы XVIII века [Текст] : учеб. для ун-тов. – М. : Высшая школа, 1991.
9. Позднеев, А.В. Произведения В. Тредиаковского в рукописных песенниках [Текст] // Проблемы истории литературы. – М., 1964.
10. Строчкова, Я.М. Примечания [Текст] // Тредиаковский В.К. Избранные произведения. – М. ; Л., 1963. – С. 473–474.
11. Тредиаковский, В.К. Езда в остров Любви [Текст]. – СПб., 1730.

T.E. Abramzon

Cultural Codes in V.K.Trediakovsky's Panegyric Verses

The paper comparatively analyzes Trediakovsky's verses dedicated to Russia and France. The article highlights various cultural codes used by Trediakovsky in his panegyric "Russian" poems and in his idyllic "French" verses.

panegyric, cultural code, Trediakovsky, national self-identification.